

В. А. Томсинов

**Понятие юридической науки и ее роль
в развитии и функционировании права**

*Доклад
на заседании “Круглого стола”
кафедры теории государства и права и политологии
юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
и журнала “Государство и право”,
посвященного обсуждению включенного в программу
магистерского обучения курса
“История и методология юридической науки”.*

**Опубликован в журнале:
Государство и право. 2016. № 4. С. 10–13.**

“Понятие юридической науки и ее роль в развитии и функционировании права”

Юридическую науку обыкновенно отождествляют с юриспруденцией, а ее сущность связывают с процессом познания права. Юриспруденция (*jurisprudence*) – это “наука или философия права (the science or philosophy of law)”, – говорится в Уэбстеровском словаре нового мира¹. “Термин юриспруденция относится обыкновенно к науке или изучению права и сопровождает любое усилие определить, описать или концептуализировать природу права”², – отмечается в изданной в 2008 г. “Международной энциклопедии социальных наук”. Опубликованная в 2011 г. в США “Энциклопедия политической науки”, уподобляя юридическую науку юриспруденции, представляет ее как “изучение права в его самых широких формах”. При этом поясняется, что “исторически юриспруденция касалась ответа на два вопроса – один описательный, другой нормативный: что такое право и что такое правосудие (или каким целям должно служить право)? Ответы на эти вопросы в различные времена и у различных народов дают не только законодатели, судьи и правоведа, практикующие право, но и ученые, которые исследуют природу права и соблюдают право на практике”³. Современные российские ученые-правоведы также сводят юридическую науку к совокупности знаний о государстве и праве⁴.

Между тем, согласно доминирующей в науковедении точке зрения, наука не есть простая совокупность знаний: наука – это, *во-первых*, деятельность, направленная на получение новых знаний; *во-вторых*, – это деятельность, имеющая целью познание ради познания; *в-третьих*, признаком науки являются рационализм знания о том или ином явлении, стремление к рациональному объяснению его сущности; *в-четвертых*, наукой может быть названа лишь системная совокупность знаний. Данные выводы означают, что не всякая юриспруденция обладает свойствами науки, но только высшая ее форма, которая появляется там и тогда, где и когда возникает потребность в системном познании сущности правовых явлений.

Однако предназначение юридической науки не ограничивается лишь познавательной функцией.

Научная юриспруденция всегда имела одновременно и познавательное, и служебное призвание: она являлась органом, обеспечивающим изучение, развитие и функционирование права.

Каким бы совершенным ни являлось действующее законодательство, оно не способно предусмотреть и определить все возможные правовые вопросы, устранить сомнения в значении тех или иных юридических категорий. В процессе применения правовых норм неизбежно возникают какие-то неясности, противоречия или просто пробелы, которые порождают споры и создают условия для произвола. Кроме того, существует постоянная потребность в поддержании однородности в правовых нормах и принципах, создании определенного порядка в действии различных источников права, выработке строгой иерархии среди них и т.д. Решение подобных проблем призвана обеспечивать юридическая наука. Поэтому она служит важнейшим органом функционирования и развития права.

Юридическая история средневековой Европы показывает, что научные доктрины, научные принципы организации правового материала, научные формы правового мышления играли огромную роль в нормотворчестве, разрешении судебных споров, формировании понятийного и терминологического аппарата права. Не случайно становление и упрочение системы королевских судов в европейских странах, прежде всего в Англии, во Франции, в Германии, сопровождались появлением множества юридических трактатов, в которых обобщалась и унифицировалась судебная практика, систематизировались нормы процессуального и материального права, объяснялась сущность правовых институтов.

Одним из первых среди таких произведений стал трактат “О законах и обычаях королевства Англии”, обыкновенно называемый “Глэнвилл” (*The Treatise on the Laws and Customs of the Realm of England commonly called Glanvill*). Его составление относится ко второй половине 80-х годов XII в., когда юстициарием при короле Генрихе II состоял Ранульф Глэнвилл. В первой трети XIII в. появился трактат под названием “Саксонское зеркало”, написанный немецким рыцарем, знатоком правовой культуры Саксонии Эйке фон Репковым. Приблизительно в 30–50-е годы XIII в. был составлен трактат “О законах и обычаях Англии” (*De Legibus et Consuetudinibus Angliae*), приписываемый Генри Брэктому. В начале 80-х годов XIII в. появился аналогичный трактат и во Франции, известный под названием “Кутюмы Бовези”. Его составителем был королевский балыи в местечке

¹ См.: Webster’s New World Dictionary of American Language. New York, 1984. P. 766.

² International Encyclopedia of the Social Sciences. 2nd ed. Vol. 4. New York, 2008. P. 231.

³ The Encyclopedia of Political Science / Ed. by G.Th. Kurian. Vol. 3. Washington, 2011. P. 876.

⁴ См., например: Сырых В.М. История и методология юридической науки. М., 2012. С. 13.

Бовези графства Клермон. В прологе к своему произведению он заявил: “Эту работу мы начинаем в такой манере, в какой желаем завершить, [составив] бóльшую часть этой книги судебными решениями, которые были вынесены в наше время в вышеназванном графстве Клермон; а другую часть – понятными обыкновениями и понятными обычаями, которые могли быть применяемыми и признаваемыми долгое время; и другую часть из спорных случаев в вышеназванном графстве, судебными решениями из соседних замков; и еще одну часть – правом, являющимся общим по всему королевству Франции”⁵. Приведенные слова показывают, что трактат “Кутюмы Бовези” соединял в своем содержании нормы не только обычаев, но и судебных решений. Помимо местного права в нем излагалось и право, общее для всей Франции. Очевидно, что такая систематизация и обработка правового материала была необходима для поступательного развития права. Средневековые юридические трактаты сами по себе не являлись научными произведениями в строгом смысле этого слова, но их содержание оказывалось в значительной степени результатом применения научных принципов к обработке материала действовавшего права.

Эти факты показывают, что юридическая наука – это не какая-либо внешняя сила по отношению к праву: *на определенном этапе эволюции правовой культуры научные доктрины, научные принципы организации правового материала, научные формы правового мышления становятся неотъемлемой частью механизма развития действующего права, способом решения проблем, с которыми оно сталкивается.*

Одной из них является, например, проблема систематизации законодательства, которая неизбежно возникает при возрастании объема законодательной деятельности, которая, будучи ответом на конкретные общественные потребности, как правило, носит хаотичный характер. Лучший способ преодоления хаоса в законодательном материале – создание свода законов или кодекса. Однако такая работа предполагает применение научных принципов. Создатель свода законов Российской империи М.М. Сперанский писал по этому поводу: “Опытность практического познания законов есть первая потребность в делопроизводстве. В приложении законов никакое умозрительное познание заменить ее не может; тут теория без опыта почти бесполезна, между тем как опытность и

без теории обойтись может. Но когда дело настояще о приведении законов в систему, тогда опытность одна недостаточна: здесь нужно познание начал, из коих каждый род законов проистекает, связь их между собою, пределы их и взаимные отношения; здесь нужна теория, с опытностью соединенная”⁶.

Повышенное значение юридической науки для действующего законодательства проявляется и в тех ситуациях, когда возникает потребность в проведении государственных реформ. Проведение таких реформ предполагает издание совершенно новых законов, создание правопорядка, которого прежде не существовало. Очевидно, что ведущую роль в этом случае может играть только юридическая наука, юридическая же практика оказывается здесь бесполезной.

Такая ситуация возникла в России в начале 60-х годов XIX в. при разработке проектов судебной реформы, когда император Александр II и его чиновники, занимавшиеся этой работой, осознали, что Российской Империи необходима принципиально новая судебная система, соответствующая потребностям развитого общества. Создать такую судебную систему возможно было только путем применения достижений юридической науки. Поэтому процесс подготовки судебной реформы был превращен в научно-исследовательскую по своей сущности работу в области правоведения, предполагавшую обобщение исторического опыта развития судебной системы в России, изучение современного судоустройства и судопроизводства в ведущих иностранных государствах, установление принципов и правил, на которых должна строиться новая судебная система России⁷.

Подобным же образом грандиозной научно-исследовательской работой в области гражданского права являлся и процесс разработки проекта Гражданского уложения Российской империи, который совершался начиная с 1882 г. и вплоть до начала Первой мировой войны⁸.

В свете таких фактов очевидно, что доминирующий в настоящее время взгляд на юридичес-

⁵ *Beamanoir Ph. de. Coutumes de Beavaisis. Next critique publié avec une introduction, un glossaire et une table analytique par Am. Salmon. Tom premier. Paris, 1899. P. 3, 4.*

⁶ *Сперанский М.М. Обзорение исторических сведений о своде законов. СПб., 1833. С. 56, 57.*

⁷ См. об этом: *Томсинов В.А. Судебная реформа 1864 г. в России и ее воздействие на развитие отечественного правоведения // Вестник МГУ. Сер. 11 “Право”. 2015. № 2. С. 22–40.*

⁸ См. об этом: *Томсинов В.А. Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX – начале XX века. Статья первая // Законодательство. 2015. № 2. С. 88–94; Статья вторая // Там же. 2015. № 3. С. 88–94.*

кую науку не отражает подлинной ее сущности. Российские правоведы еще в XIX в. осознали, что научная юриспруденция – особенная наука по сравнению с другими отраслями научного знания. “Особенность юриспруденции в сравнении с другими практическими науками, – утверждал российский правовед К.К. Дыновский, – заключается в том, что она представляет весьма своеобразное сочетание задач практических с задачами не практическими; она притом не только наука, но и искусство. В умелом гармоническом сочетании обоих элементов, при котором правоведение, не поступаясь своим научным характером, может служить интересам действительной жизни, заключается вся задача, вся сила и вся прелесть правоведения”⁹.

Практический характер юридической науки проявляется особенно ярко в условиях правосудия, организованного на основе принципов состязательности, открытости и гласности, в рамках суда самостоятельного, не зависящего от давления чиновников и богачей, – в судебном процессе, главное содержание которого составляет борьба юридических аргументов.

Если суд подчиняется только закону и стремится выносить юридически обоснованные решения, то судебная практика неизбежно сближается с юридической наукой. Отрыв же научной юриспруденции от судебной практики происходит чаще всего оттого, что судебные дела решаются не по закону, не по справедливости, не в интересах общества, а в угоду чьим-то корыстным интересам.

В условиях, когда лица, применяющие законы, заботятся прежде всего о том, чтобы правильно применить законодательные положения, в особой цене оказываются способности понимать и толковать смысл правовых норм, умение найти юридические основания для тех или иных действий или, напротив, обнаружить отсутствие таких оснований, навыки формулирования и аргументации юридических требований или ответов на них. Все эти способности, умения и навыки – все то, что составляет логику юридического мышления и опыт юридической деятельности, дар или талант юриста, вырабатываются в процессе изучения именно теоретического правоведения, научной юриспруденции. Иначе говоря, **в условиях нормально устроенного общества, когда существует государство, в котором соблюдение закона, поддержание правопорядка есть высшая**

ценность, научная юриспруденция имеет в высшей степени практическое значение уже в силу того, что является научной. И чем более она соответствует критерию научности, тем большую практическую пользу приносит государству и обществу.

⁹ Дыновский К. Задачи цивилистического образования и значение его для гражданского правосудия. Одесса, 1896. С. 26.